

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

МАЛЕНЬКАЯ
ЖЕСТОКАЯ
ПРАВДА

LIKE
BOOK

Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Б25

Jennifer Lynn Barnes
DEADLY LITTLE SCANDALS

Copyright © 2020 by Jennifer Lynn Barnes
This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Cover art copyright © 2019 by Connie Gabbert
Cover design by Marci Senders

Перевод с английского Е. Прокопьевой

Художественное оформление А. Андреева

Барнс, Дженнифер Линн.

Б25 Маленькая жестокая правда / Дженнифер Линн Барнс ;
[перевод с английского Е. Прокопьевой]. — Москва : Эксмо,
2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-225488-8

Совсем недавно Сойер была совершенно обычной девушкой и работала в автомастерской. Но несколько месяцев назад ее жизнь резко изменилась. Она переехала в дом своей бабушки, чтобы принять участие в ежегодном бале Дебютанток и получить деньги на учебу.

Сойер охотно стала частью этого роскошного мира еще и потому, что хотела выяснить, кто ее отец.

От кузины Сойер узнает о существовании элитного, закрытого женского общества «Белые перчатки», участницы которого смогут помочь ей раскрыть семейные тайны. Теперь ей придется столкнуться с новыми загадками и еще более опасными секретами.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Прокопьева Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-225488-8

Посвящается *Ti30*

ДЕНЬ ТРУДА¹, 03:17

— Сойер, ты здесь?
— Здесь.

— Я не чувствую своих ног. И рук. И локтей. И лица. И...

— Сэди-Грэйс, просто помолчи секунду, а?

— Ладно... Секунда прошла?

— Мне нужно подумать, как вытащить нас отсюда.

— Прости! Я бы с радостью перестала говорить! Но я танцую, когда нервничаю, а сейчас я не могу танцевать, потому что не чувствую своих ног. И рук. И локтей. И...

— *Все будет хорошо.*

— Когда я нервничаю и не могу танцевать, я болтаю без умолку. А сейчас, Сойер, я *очень* нервничаю, потому что мы похоронены заживо!

¹ Национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября. (Здесь и далее прим. пер.)

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ НЕДЕЛЬ (И ТРИ ДНЯ) НАЗАД

ГЛАВА 1

— **К**то-нибудь видел спасательный жилет Уильяма Фолкнера?

В свое время эта фраза тети Оливии, которую она прокричала с верхнего этажа, могла бы показаться мне странной. Но сейчас я и бровью не повела. Потому что живущую в семье огромных размеров собаку породы бернский зенненхунд звали Уильям Фолкнер и потому что у нее был собственный спасательный жилет. Черт, да я готова была даже поспорить, что на этом жилете вышита монограмма!

Мамочки дебютанток украшают монограммами все, что можно.

Единственным, что удивило меня в вопросе тети Оливии, было то, что она, крайне организованная и всегда собранная, понятия не имела, где находится жилет Уильяма Фолкнера.

— Напомни мне, почему мы прячемся в кладовой? — спросила я Лили, которая затащила меня сюда минут пять назад и с тех пор говорила не громче шепота.

— Это же выходные перед Днем поминовения¹, — еле слышно ответила Лили. — Мама всегда немного нервничает, когда мы открываем на лето дом у озера, — моя кузина

¹ Отмечается в последний понедельник мая в память о всех погибших гражданах США.

понизила голос для пущего драматизма: — *Даже у ее списков есть списки.*

Я бросила выразительный взгляд на Лили.

— Лично я составляю разумное количество списков! — зашептала в свою защиту Лили. — И их было бы куда меньше, прояви ты хотя бы каплю интереса к подготовке к колледжу.

Лили Тафт Истерлинг была такой же высокоорганизованной, как и ее мама, и они обе почему-то были уверены, что осенью я отправлюсь учиться в университет вместе с Лили. Как мне сообщили, поступление в это замечательное учебное заведение было семейной традицией.

Но у моей семейной ветви были свои собственные традиции. *Обман, предательство, вишневый чизкейк без выпечки...*

— Мне кажется, или в этой кладовке было куда больше еды? — спросила я Лили, чтобы она не успела прочитать мои мысли.

— Мама готовится к поездке на озеро, как специалист по выживанию готовится к концу света, — шепотом ответила мне кузина и тут же замолчала, услышав приближающиеся шаги, которые стихли прямо напротив нашего убежища.

Я задержала дыхание, и через мгновение дверь кладовки распахнулась.

— *Hasta la vista...*¹ Лили! — Младший брат Лили, Джон Дэвид, захихикал и принял обстреливать нас из нерфа.

Пригнувшись, я заметила, что наш противник, под глазами которого были проведены черные полоски, одет в камуфляж и огромный спасательный жилет, явно принадлежащий собаке.

¹ *Hasta la vista, baby!* (с исп. — «До свидания, детка!») — крылатая фраза андроида Терминатора из фильма «Терминатор-2: Судный день», произносимая Арнольдом Шварценеггером.

— Я изо всех сил стараюсь избегать братоубийства, — милым тоном сказала Лили. — Однако...

Это слово само по себе уже должно было означать угрозу, но тем не менее я решила пояснить.

— Однако, — подхватила я, надвигаясь на Джона Дэвида, — щелбаны никто не запрещал.

Я поймала его.

— Не лезь на рожон, — Джон Дэвид тщетно старался вы-свободиться из моей хватки, — а то получишь!

— Это *ты* сейчас получишь щелбан!

Лили смотрела на нас так, словно мы устроили борьбу в грязи прямо посреди воскресного бранча.

— Что? — невинно спросил Джон Дэвид, которому не удалось укусить меня за подмышку.

— Вы двое плохо влияете друг на друга, — заявила нам Лили. — Знаешь, Сойер, иногда я готова поклясться, что он — твой брат, а не мой.

Лили всего лишь хотела меня поддразнить, но я застыла на месте. Моя кузина даже не догадывалась — ни чуточки — о том, что только что произнесла.

Она понятия не имела, насколько права.

Джон Дэвид воспользовался моментом и все-таки вы-вернулся из моей хватки. Он как раз снова прицелился в нас из своего оружия, когда из-за угла вышла тетя Оливия.

«Готова поклясться, что он твой брат». Слова Лили эхом раздавались у меня в голове, но я заставила себя сосредоточиться на настоящем — и на гневном выражении лица своей тетушки. Я загородила собой Джона Дэвида и невозмутимо улыбнулась ей.

— Тетя Оливия, — произнесла я ровным голосом. — Мы нашли жилет Уильяма Фолкнера.

Нас с Джоном Дэвидом без суда и следствия признали виновными в «совершенно неуместном сейчас баловстве» и в том, что мы «честное слово, вымотали уже все нервы», и приговорили к загрузке вещей в машину. Но у меня и в мыслях не было жаловаться — мне нужно было на что-то отвлечься.

Несколько месяцев назад я переехала в дом своей бабушки по материнской линии сразу после того, как она предложила мне выгодную сделку: если я буду жить с ней и приму участие в сезоне дебютанток, она оплатит мое обучение в университете. Я согласилась, но не из-за траста в полмиллиона долларов, который теперь был оформлен на мое имя. Я охотно стала частью этого роскошного, сверкающего мира, потому что отчаянно хотела узнать, кто из великосветских отпрысков сделал ребенка моей маме, когда *она сама* была Дебютанткой.

И я получила ответ на этот вопрос. Но Лили ничего об этом не знала. Потому что это был *ее отец. Муж тети Оливии и мой дядя Джей Ди.*

— Ты хорошо себя чувствуешь, Сойер? У тебя какой-то осунувшийся вид, милая. — Тетя Оливия держала в руке свой список задач, который был записан на не меньше чем на восьми клейких листочках. И я готова была поспорить, что в этом впечатляющем списке не было пункта: «Выяснить, что девятнадцать с половиной лет назад мой муж переспал с моей младшей сестрой и она забеременела от него».

Точно так же там не было и пункта о том, что эта самая сестра решила специально забеременеть из-за одного идиотского, убого пакта.

— Со мной все в порядке, — ответила я тете Оливии и мысленно добавила это к списку лжи, которую я нагородила за последние шесть недель.

В обычных обстоятельствах тетя Оливия наверняка постаралась бы накормить меня как следует, но сегодня ее мысли явно были заняты куда более важными вещами.

— Я забыла о резервном запасе авокадо, — вдруг произнесла она. — Нужно быстренько съездить в магазин и...

— Мама, — Лили подошла и встала перед тетей Оливией. Внешне они были не сильно похожи, но, если речь шла о хороших манерах и стиле поведения, их можно было принять за близнецов. — Тебе не нужно ехать в магазин. У нас будет полно авокадо. Все будет хорошо.

Тетя Оливия выразительно посмотрела на Лили:

— «Хорошо» — это не тот стандарт, к которому стремятся женщины из семьи Тафт.

Лили аккуратно вытащила список из рук своей матери.

— Все будет просто *идеально*!

В разговор вмешалась третья Тафт.

— Уверена, так оно и будет, — великая Лилиан Тафт знала толк в эффектных появлениях. Сегодня на ней были надеты льняные укороченные брюки — ее интерпретация повседневной одежды. — Сойер, милая, — бабушкин взгляд остановился на мне, — я надеялась, что сегодня утром ты поможешь мне с кое-каким делом.

Это был приказ — не просьба. Я перебрала в уме все правила и социальные условности, которыми пренебрегла за последние двадцать четыре часа, но не вспомнила ничего настолько серьезного, чтобы Лилиан захотелось поговорить со мной наедине.

— Нам ждать тебя, мама? — спросила тетя Оливия, бросив взгляд на часы.

Лилиан отмахнулась от вопроса:

— Отправляйтесь на озеро, Оливия. Успеете до пробок. А мы с Сойер вас догоним.

ГЛАВА 2

«**К**ое-какое дело» моей бабушки подразумевало посещение кладбища. В руках у нее был небольшой букет — полевые цветы. Это было необычно, потому что у Лилиан флорист был на быстром наборе в буквальном смысле этого слова. К тому же она сама выращивала розы, но цветы в ее руках были словно сорваны с поля.

Да и вообще Лилиан Тафт нельзя было назвать любительницей недорогих поделок своими руками.

Пока мы спускались по гравийной дорожке с небольшого холма, бабушка, вопреки обыкновению, молчала. В стороне от других надгробий, между двумя древними дубами, стояла небольшая ограда из кованого железа. Несмотря на потрясающую проработку деталей, забор был невысоким и едва доходил мне до пояса. Участок земли внутри был примерно шесть на три метра.

— Твой дедушка сам выбрал этот участок. Этот человек всегда считал себя бессмертным, так что, полагаю, он планировал похоронить здесь меня, а не наоборот. — Моя бабушка положила руку на кованое железо и толкнула ворота внутрь.

Я, поколебавшись, последовала за ней и остановилась у надгробия внутри — небольшого бетонного креста на простом основании. Сначала я посмотрела на даты, а потом на имя.

«ЭДВАРД ОЛКОТТ ТАФТ».

— Если бы у нас был сын, — тихо сказала Лилиан, — его бы назвали Эдвардом. Имя «Олкотт» было предметом споров между мной и твоим дедушкой. Эдвард не хотел называть так сына, а мне всегда нравилось, как звучит его полное имя.

Я ожидала совсем не этого, когда бабушка утащила меня, чтобы побывать со мной наедине.

— Мы с твоим дедушкой познакомились на выходных перед Днем поминовения. Я когда-нибудь рассказывала тебе об этом? — Лилиан, как обычно, не стала дожидаться ответа. — Я пробралась на вечеринку, где девушке моего происхождения определенно было не место.

Я невольно вспомнила другую светскую вечеринку и другого человека, которому там было не место. Ника. Мы становились один танец — он в простой футболке, а я в бальном платье. И несмотря на все мои старания, воспоминания о том танце продолжали меня преследовать.

— Если бы меня обнаружил кто-то другой, проблем было бы не избежать, — задумчиво произнесла Лилиан, тоже поддавшись воспоминаниям, — но твой дедушка был особыенным...

Услышав ностальгические нотки в бабушкином голосе, я отогнала от себя все мысли о нашем с Ником танце. Лилиан почти никогда не упоминала о тех годах. Я знала совсем крупицы, но пришла к выводу, что она росла в нищете, но была чертовски амбициозной.

— Ты скучаешь по нему, — заметила я, глядя на надгробный памятник. В горле встал ком, потому что бабушка любила дедушку. И потому что я совсем его не знала, чтобы любить и скучать по нему.

— Ты бы понравилась ему, Сойер. — Лилиан Тафт несложно было растрогать. Ее голос никогда не дрожал. — Ох, он бы сильно рассердился, узнав, что Элли забеременела, но

этот мужчина был готов на все ради своих девочек. И я не сомневаюсь, что к тебе бы он относился точно так же, будь он сейчас с нами.

Эдвард Олкотт Тафт умер, когда моей маме было двенадцать, а тете Оливии должно было исполниться восемнадцать. И я была абсолютно уверена, что будь дед *еще жив* в то время, когда мама стала Дебютанткой, она бы и не забеременела. То, что она заключала пакт о беременности с двумя своими подружками, уже было тревожным звоночком. А то, что она выбрала мужа собственной сестры на роль отца своего ребенка, лишь доказывало, что у нее были психологические проблемы из-за смерти ее отца.

— Ты говорила с ней? — спросила меня Лилиан. — Со своей мамой?

Я сразу же насторожилась. Если бабуля притащила меня сюда в надежде вдохновить на прощение, ее будет ждать жестокое разочарование.

— Если под «говорить» ты подразумевала «твердо игнорировать», то да, — невыразительным голосом ответила я. — А так нет.

Моя мама врала мне. Она заставила меня поверить, что моим отцом был ныне осужденный бывший сенатор Стерлинг Эймс. Я считала детей сенатора своими единокровными братом и сестрой. Они — и его жена — до сих пор так считают. Сын сенатора, Уокер, был парнем Лили, и с недавнего времени они снова стали встречаться. Я не могла рассказать ему правду, не сказав ей.

А если я расскажу Лили о том, кто мой настоящий отец, и о том, что сделали моя мать и ее любимый папочка... потерплю ее навсегда.

— Я не могла не заметить, что на протяжении последних шести недель ты ужасно тихая, милая, — Лилиан го-